

Гульчера Быкова

Гульчера Вахобовна Быкова — доктор филологических наук, профессор, директор научно-методического Центра лингвистики и межкультурной коммуникации Благовещенского государственного педагогического университета, член Союза журналистов России.

Родилась в высокогорном таджикском ауле, детство прошло в горах Алтая и в сырдарьинских степях Узбекистана, юность — в низовьях Амура. Обучалась на факультете журналистики Ташкентского государственного университета, затем на отделении русского языка и литературы Благовещенского пединститута. Закончила аспирантуру Российской академии образования и докторантуру Воронежского государственного университета по специальности «Теория языка, социолингвистика, психолингвистика».

Как российский языковед за научный вклад и всероссийскую известность внесена в международную, всероссийскую и две региональные энциклопедии. Является автором более двадцати рассказов.

Рассказ

Комбат Башко

— Так не хочется оставаться одной... Поедем лучше вместе!

— Ну куда мы с таким маленьким? Вот получу квартиру, подготовлю, потом и вас заберу.

И в самом деле — ребёнку всего месяц, куда с ним в полную неизвестность? Надо набраться терпения и ждать. Здесь мама, есть где искупать младенца, просушить пелёнки, врачи рядом. А там что? Всё правильно. Я с ребёнком пережду здесь, на Сахалине, а он пусть едет на место назначения — в отдельную танковую роту на границе с Китаем. Хорошо ещё, что не в чистом поле: рядом — маленькое село Куропатино. Я представляла себе деревеньку, затерянную среди полей и рощиц солнечного Приамурья. Так тянуло под синее небо, где даже зимой — мороз и солнце!

А здесь, на мрачном острове, неделями не бывает солнца. Хмурые тучи плывут над испуганной землёй, да день и ночь угрюмо шумит Татарский пролив. Ненадолго проглянет небо и тут же скроется за клочьями облаков.

Не случайно при царе на Сахалин ссылали на каторгу. Чехов, наверно, чувствовал себя здесь так же, как я теперь, когда в 1890 году задумал отправиться сюда, на остров ссыльных каторжников. Знакомые и близкие писателя восприняли его желание как шутку. Но он совсем не шутил, серьёзно готовился к поездке. Я добиралась сюда три часа самолётом через пролив и потом несколько часов — в комфортабельном вагоне до города Чехова, а Антону Павловичу путешествие, должно быть, лёгким не показалось. Великой Транссибирской дороги тогда ещё не было. От Тюмени надо было трястись в тарантасе (по

тогдашним-то российским дорогам!) несколько тысяч вёрст. На Сахалине писатель пробыл три месяца. Жителей здесь было уже немало — десять тысяч, — каторжники и поселенцы, среди них и дети.

Чехов переписал население острова, объездил все поселения, заходил в избы, говорил с разными людьми. Врач, интеллигентный человек, он умел слушать, умел спросить каждого о самом главном. Затравленные охранниками, измученные суровыми условиями жизни люди охотно раскрывали ему душу. Во время путешествия Чехов вёл дневник. Карточки переписи и дневниковые записи легли потом в основу его книги «Остров Сахалин».

До Чехова никто и никогда не писал правды о тогдашнем «сахалинском аде». Книга потрясла российское общество. А вот на меня она не произвела особого впечатления. Более того, разочаровала, хотя написана рукой автора «Дамы с собачкой». Сколько сил, труда и времени вложил писатель в эту книгу, а никакой художественной ценности, на мой взгляд, она не представляет! Почему?..

Так рассуждала я, гуляя с коляской по мокрому, твёрдому, как асфальт, песку пролива. С моря, как всегда, дул свежий ветер, волны выносили на берег яркие причудливые водоросли — зелёные, оранжевые, синие, сочную тёмно-зелёную морскую капусту, жёлто-красных крабов, чёрные комочки морских ежей и оранжевых звёзд. Исторгнутые из морских глубин, они упорно устремлялись обратно, в родную стихию. Я готова была часами разглядывать эти шевелящиеся чудеса.

Но сынишка кряхтел, начинал плакать, и приходилось возвращаться домой — пеленать и кормить маленькое существо. Хорошо, что грудное молоко появляется во мне в нужный момент — тёплое, густое, пахучее... Стоит лишь втолкнуть сосок в маленький ротик, как младенец обхватывает его крохотными губками и пьёт, пьёт....

Я чувствую, как где-то внутри меня, по жилочкам, течёт, пульсирует горячая влага и вливается в младенца. Просто диву даёшься — кто научил его этому, откуда это жадное стремление насыщаться, где, в какой программе оно заложено и кем? Кто так подготовил меня, моё тело, мой разум, чтобы я смогла выносить и взрастить этого маленького человека? Зародившееся во мне существо живёт, кормится и полагается только на меня, его жизнь, покой, здоровье и рост зависят от меня. Это — как непостижимое чудо, как откровение, как наказ извне... Совсем недавно всего этого я не понимала, и вот теперь кто-то руководит мной, словно подсказывая, что требуется этой крохе.

С самого начала беременности я удивлялась, как разительно вся изменилась: то, что раньше волновало и тревожило меня, казалось таким важным и необходимым — книги, обучение в вузе, классическая литература и русский язык, лекции, экзамены и оценки, — всё это стало таким незначительным по сравнению с величайшим из таинств — материнством и новой, зародившейся во мне жизнью. Кто он? Сначала, долгие девять месяцев, меня мучило жгучее любопытство увидеть, какой он. Но в том-то и дело, что раньше срока нельзя посмотреть. Пришлось терпеливо дожидаться, когда он сам захочет появиться на свет...

Говорят, что ведущая человеческая эмоция — зависть, но мне кажется, что это — любопытство. Червь любознательности грызёт меня днём и ночью: так любопытно жить, а теперь вот становиться матерью, что просто не терпится поскорее всё испытать. И самая большая загадка для меня — я сама.

Совсем недавно я жила без забот, могла спать чуть ли не сутками. Этому не мешали ни шум машин за окном, ни гомон беспокойных студентов, ни даже гром небесный... А теперь, странное дело, сплю — и слышу, как изменилось дыхание малыша. Что-то не так! Молниеносно вскакиваю. За окном — плотная чернота. Такие здесь, на острове, тёмные ночи. Почти ни разу не видела луны, да и солнца тоже. Просила же поставить маленький ночничок! В спальне кромешная тьма. На ощупь нахожу коляску. Ребёнок как-то тяжело дышит. Пытаюсь дотронуться до его личика и вдруг натыкаюсь на что-то лохматое. От ужаса кричу. Не могу вспомнить, где выключатель. Кричу, кричу, понимая, что напугаю сынишку, но он не подаёт голоса, словно не слышит меня.

Вдруг вспыхивает люстра. С ужасом вижу, как из коляски поднимается Захар — огромный чёрный кот-крысолов, любимец отчима. Я сбрасываю кота, выхватываю младенца из коляски и трясу, трясу... А он молчит. Боковым зрением замечаю мамино лицо — блее пелёнки. Я прижимаю его к себе и ощущаю неровное, прерывистое дыхание... Слава тебе Господи, жив мой мальчик! Теперь плачу уже от облегчения и радости — цел мой малыш, не задавил тебя этот негодяй.

— Это он тёплое место искал, — говорит отчим. — Он любит на тёпленьком...

Я готова убить кота и его хозяина. И не задумываясь убила бы, оставайся такая опасность для ребёнка. Но она, слава Богу, миновала, он со мной, он дышит и даже не проснулся. Как же я не слышала, когда этот мерзавец укладывался в коляске на малютку, который меньше его самого?

Запоздалый страх парализовал и лишил меня сна. Я будто бы мысленно прокручивала вперёд видеоплётку, представляя себе, что было бы, не почувствуй я неладное и не проснись. Что стало бы к утру? Волосы зашевелились у меня на голове. Недаром говорят, что у страха глаза велики. Оскорблённый Захар кружил вокруг дома, тыкался в окна, скрёб лапами рамы, громко мяукал и просился в тепло. Я до утра так и не сомкнула глаз.

Чтобы как-то отвлечься от пережитого страха, мысленно снова перечитывала долгожданное письмо от мужа:

«Здравствуйте, дорогие мои, наконец-то могу сообщить вам что-то определённое. Несколько дней пробыл в штабе гарнизона, пока набирали роту. Получил свой взвод — щеглы зелёные. Знакомимся, присматриваемся — я к ним, они ко мне. Ротный — тёртый калач, служака-неудачник. Скоро на пенсию, а он всё в капитанах ходит. Говорят, закладывает за воротник, т. е. балуется горилкой. Он хохол, и жена его Лариска — горластая хохлуша, она больше командирша, чем он: во всё суёт нос.

Знаешь, может, надо было всем сразу ехать? Увидели бы пацана в пелёнках — и квартиру бы потеплей дали, а то разобрали что получше, а мне — самую крайнюю в доме, с северной стороны. Я было стал возмущаться, мол, малец у

меня. На что ротный заявил, что у него два мальчика, а он тоже в крайней квартире — они с одной стороны дома, а мы — с другой. Сравнил — у него дети в школу ходят, а наш ещё в пелёнках. Ну ничего, главное — зимой не заморозить крошку. Топить будем лучше. Уголь постоянно возят в роту и около офицерского дома сгружают. Бери, сколько хочешь. Колодец и туалет во дворе.

Вот и все новости. Письмо заканчиваю, так как уже поздно, а мне завтра заступать на дежурство по роте, это на сутки. Опять спина начинает болеть, травма не прошла даром.

Ну, пока. Целую обоих крепко. Очень соскучился. Жду, люблю. Ваш Саша».

Слава Богу, квартиру получил, теперь хоть есть куда ехать. А мне собраться — что голому подпоясаться.

— Вот и я тебе толкую, — в какой уже раз приступает со своими тревогами мама. — Ну куда ты в зиму глядя собралась? Что ты там одна с ребёнком будешь делать?

— Ну, во-первых, не одна, у меня муж есть.

— Муж... объелся груш, — сердится мама. — Читала — у него опять со спиной неладно. А если его снова в госпиталь отправят? Что ты с мальцом будешь делать? Одной рукой его, а другой воду и уголь таскать? Чует сердце, хлебнёшь лиха с таким мужем. И что его черти по этим соревнованиям гоняли? Чего он добился? Спину загубил, чахнет теперь, и вам жизнь не в радость. Сидела бы здесь. Отец вон и печь натопит, и воды сколько надо принесёт-унесёт. И я рядом. Посмотри, какой ребёнок беспокойный. Ни поспать, ни поесть толком не даёт. На тебе лица нет. И это ещё мы с дедом на подхвате. А там что ты без нас будешь делать?

— Мам, ну что ты заладила — одна да одна... Не одна я, Саша с нами. Он поможет, он любит нас, ждёт. Ну как это я не поеду? Он же без нас не может, к тому же болеет. И я без него не смогу. Перевелась же из Ташкента к нему, журналистику бросила, потому что не смогли друг без дружки. А сейчас тем более надо быть вместе — ребёнку отец нужен. К тому же кто, кроме меня, ему поможет? Мать и сестра пьют беспросыпно, отец один работает, семью содержит. Никто из них не приедет его навестить.

— Так-то оно так... — заплакала мама. — Да только тяжело тебе будет, доченька. Ни одной родной души рядом. И там тебе не город, а деревня глухая — ни воды в доме, ни отопления. И удобства — на лютном морозе, а у тебя почки слабые. Зима не за горами. Осень вон на дворе, промелькнёт — не заметишь. Уж какие морозы суровые в Приамурье, сама знаешь, тридцать — сорок градусов, а у нас здесь до десяти. Всю зиму можно с ребёнком гулять — не замёрзнет...

Я понимала, что родительница права. Знала, что она владеет старинным бабушкиным гаданием, которое той в свою очередь передала прабабушка. Моя бабушка Вера была не просто староверкой. Её знали по всему Чуйскому тракту как целительницу и предсказательницу. К ней, в маленькое алтайское село у слияния Катуня и Коксы, ехали из самых отдалённых мест. Она и лечила, и предсказывала по картам. Мама не лечила, но гадать научилась с детства. Се-

стре Светлане, у которой жизнь не складывалась, она гадала часто, мне же наотрез отказывалась. Одна отговорка: живёшь хорошо с мужем — чего гадать?

Мама всё чаще плакала тайком, прятала глаза, но уже не пыталась уговаривать меня остаться. Накануне отъезда пришла телеграмма от моей старшей сестры. Она в который раз сбежала от очередного своего сожителя. Теперь судьба забросила её в Магадан. И вроде всё шло хорошо. Светлана получила квартиру от хлебозавода, где работала мастером-кондитером. Ещё в Караганде, где она до того жила, познакомилась с командированным инженером из Магадана. Они приглянулись друг другу, и он уговорил её поехать вместе с ним на Колыму. Убеждал, что с женой расстался и между ними всё кончено. Пообещал устроить Свету на работу, помочь с комнатой в общежитии. И сдержал все свои обещания, кроме одного — с женой продолжал встречаться. Света устроилась на хлебозавод по специальности, которую мама в своё время с боем заставила её получить.

Надо сказать, что сестра — полная мне противоположность. Если моей страстью всегда была неистребимая жажда знаний, то у неё — с точностью до наоборот. Окончив восемь классов, она зашвырнула портфель в угол и заявила, что больше никогда не будет учиться. Нигде — ни в школе, ни в училище, по поводу которого мама ей уже говорила. Надо заметить, что наша матушка была женщиной крутого нрава и на расправу скорая. Недолго думая, она схватила стоящий у плиты веник и ну охаживать им взбунтовавшуюся дочь. Та смиренно приняла наказание. Когда мама, выбившись из сил, присела на стул, дочь спокойно заявила, как отрезала: «Сказала — не буду больше учиться, значит, не буду». И мама заплакала.

А я, забившись в угол, не могла прийти в себя от удивления — как может учёба надоесть? Я без школы жить не могла, меня влекла туда какая-то непостижимая сила. Готова была учиться день и ночь. Отличались мы и по характеру, и по манере поведения. Светлана была стройной, с яркой внешностью, белокурой и голубоглазой, при этом очень решительной и твёрдой, а уж какой чистоплотной и хозяйственной была моя старшая сестра — второй такой не сыскать! И вот, при всех её достоинствах, не везло в жизни, хоть ты лопни!

Узнав, что Олег обманывает её, решила уехать из Магадана. Не по душе пришлась ей столица Колымского края. На заводе в ночных сменах всегда боялась: большинство женщин-рабочих — бывшие заключённые. Воровали всё что под руку попадёт: булки, тесто, масло. Доносить начальству страшно. Все в городе знали, как отчаянные пекарихи затолкали мастера в тестомешалку, где тот и задохнулся. А покрывать воровок — себе тюрьму зарабатывать. Не веря в удачу, дала объявление на обмен квартиры. И неожиданно повезло: нашёлся обмен с Сахалином. Это был блестящий шанс, потому что родители жили в пяти часах езды от Холмска. Главное — маленькую дочку в любой момент можно у них оставить, это не у чужих людей!

Ещё в Магадане, перед самым отъездом, приснился Свете сон, будто плывёт она на белом пароходе по синему морю, стоит на палубе, а рядом — синеглазый парень улыбается и манит к себе. Она и пошла навстречу. Вдруг

на пути — женщина в чёрном, лицо злое, неприветливое. Света пытается обойти её, но женщина всё время преграждает дорогу... Проснулась — на душе жутко, тревожно и радостно. А потом, в суете дорожных сборов, сон стал забываться.

В Холмск приехала и ахнула: квартира больше её магаданской, просторная, хорошей планировки, вот только загажена — дальше некуда. Тут и пригодились её хозяйская смекалка и чистоплотность. Через неделю комнаты засверкали белоснежными потолками, новенькими обоями и сияющими полами. Соседи были просто поражены.

А Света нет-нет да и вспомнит о белом пароходе. Вдруг сон-то — вещий? Поехала к маме, та карты раскинула и удивилась:

— Скорая дорога тебе падает, а на той дороге бубновый король. И будет он любить тебя так, что от отца с матерью, от всей родни и от невесты отвернётся — вот дама треф и дама буби. А ты будешь ему дороже всех на свете...

— Ой, ма, хватит меня утешать. Вот ты всегда так... Встретить бы такого — душу бы за него отдала. А то всё негодяи попадаются. Настоящие мужики — разве что в снах или на твоих вон картах. — Она вдруг расплакалась.

— Ну что ты, Светка, вот увидишь, у тебя всё будет хорошо, — утешала её и я.

— Нет, сестрёнка, жизнь ко мне — мачехой. Это у тебя настоящая любовь, вы со школьной скамьи друг на друга наглядеться не можете, не каждому такое счастье выпадает...

— Господи, Света, я бы половину своего счастья тебе отдала. И нам бы хватило — такое оно большое.

— Типун тебе на язык, Гуля! Счастье — оно у каждого своё. Жизнь прожить — не поле перейти, не спеши раздавать своё счастье, оно тебе ещё самой понадобится.

— Мама, погадай и мне, — попросила я. — Свете ты всегда гадаешь. Ну пожалуйста...

— Нет, нет и ещё раз нет. И не проси. Ты довольна своей жизнью?

— Да, конечно. Знаешь, мама, он такой... он такой добрый, честный, верный, преданный... Он такой порядочный, надёжный... Нет никого лучше его! И не будет! Он никогда меня не оставит, что бы ни случилось. И я его не предаю. Никогда.

— Господи! Тут за себя-то страшно поручиться, а уж за мужа... Я вон за твоим отцом как за каменной стеной была, любила без памяти. Он меня на руках носил, и казалось, что век будем вместе... Сама виновата — брата пожалела, побоялась в беде бросить, вот и прозевала своё счастье. Какая ж я глупая была, как ты сейчас...

— Эй, сороки, угомонитесь вы наконец! — прикрикнул из спальни отчим. — Уже скоро светать будет, и пацана разбудите.

— Действительно, давайте укладываться, спохватилась мама. — Надо только со стола убрать.

— На чём ты хлеб резала? — с досадой сказала я сестре. — Это же свежая газета, я её не читала.

Света, пытаясь исправить оплошность, смахивала с газеты хлебные крошки. И тут её внимание привлекло объявление: «На торговое судно, стоящее под погрузкой в порту, срочно требуется кондитер. Звонить по телефонам (указаны телефонные номера) в любое время суток».

— Вот тебе, бабушка, и белый пароход! — воскликнула я. — Звони прямо сейчас, там же сказано — в любое время суток.

А дальше — всё как во сне: сестра поднимает трубку, сообщает, что она мастер-кондитер и была начальником смены на Магаданском хлебозаводе. И ей предлагают завтра же явиться с документами и санкнижкой в Холмское пароходство. Штат судна уже укомплектован, нет толькостряпухи, то бишь кондитера. Её берут, что называется, не глядя.

Так мы разъезжались в разные стороны — сестра навстречу своему счастью, а я, не подозревая ни о чём, — к горю-злосчастью. Утром решили ехать поездом вместе, благо что в одну сторону. До Холмска Света поможет с ребёнком, вместе побудем несколько часов, а дальше мама с отчимом и племянницей проводят меня на самолёт в Южно-Сахалинске.

Какие мои сборы? В одну руку пакет с пелёнками, в другую ребенка. Лёту всего несколько часов, а там Саша на машине встретит. Договорились накануне по телефону, что он привезёт запасное одеяльце и простынки. Я — не то, что моя сестра, я маленькая, худенькая птичка-невеличка, и для меня даже двухмесячный крепыш в жаккардовом одеяле — нелёгкая ноша.

...В самолёте было холодно, сынишка всё время плакал. Пока сосал молоко, молчал, а потом снова поднимал такой рёв, что соседи недовольно обрачивались.

— Сама ещё ребёнок, а туда же — в дочки-матери играть, — ворчала на меня щербатая старуха на заднем сиденье.

— Ну, маленький, потерпи, поспи, скоро приедем к нашему папочке, он ждёт нас...

— Да младенец-то, поди, мокрый, молочка насосался... И чего людям дома не сидится? С таким маленьким — и на самолёт. Ну без царя в голове...

Действительно, как это я не догадалась — его же надо перепеленать, он и успокоится.

Перепеленала. Но сынишка, твёрдо решивший настроить весь самолёт против меня, продолжал плакать. Наверно, ему ушки давило от высоты, или животик разболелся, или... Надо было лучше не кормить. Только хуже стало... О, опять мокрый. Так нам и пелёнок не хватит. Давай потерпим, в аэропорту есть комната матери и ребёнка, там и поменяем на всё сухое. Здесь вон как из вентиляторов дует.

Наконец самолёт начал заходить на посадку. Вот и знакомые квадраты сосен, белоствольные берёзки, асфальтированная дорога в город... И небо синее, и солнце в зените. Слава Богу, мы дома, в своём родном краю.

— Подыши, маленький, настоящим свежим воздухом, это тебе не Сахалин, тут ты быстро начнёшь расти и крепнуть, — шептала я затихшему свёрточку. — Посмотри на это синее небо, на это яркое солнышко. Ты сам — моё родное солнышко, мой солнечный зайчик...

Напрасно в который раз осматривала я встречающих. Среди них не было того, к кому мы спешили. Я обошла вокруг здания аэропорта, вышла к припаркованным машинам. Но и здесь его не было. Не веря глазам, я снова и снова осматривала людей. Встречающие вместе с прилетевшими быстро разъезжались, осталось несколько человек. Я не знала что делать.

— Наверно, наш папочка задерживается, он вот-вот приедет, надо немного подождать, — изо всех сил успокаивала я больше себя, чем маленького крикунишку.

Сидеть в полупустом аэропорту было небезопасно для младенца: зал открывался на обе стороны — в город и на лётное поле, — и некуда было укрыться от сквозняков. Я решила идти в комнату матери и ребёнка. Муж сразу догадается, что мы там.

— Можно? — спросила я, входя в комнату. — Мне надо покормить и перепеленать ребёнка и вообще побыть здесь некоторое время.

— А куда вы летите? У вас есть авиабилет? — спросила неприветливая дежурная.

— Билет у нас есть, но мы не летим, мы только что прилетели.

— Ну, это тогда не к нам. Комната — для улетающих пассажиров.

— А нам как быть?

— А это ваши проблемы, — заявила хозяйка. — Езжайте, куда ехали. Давайте, давайте отсюда, чего тут грязь разводить. Я что, нанималась тут за вами убирать?

Она ловко выставила меня за дверь.

И тут я вдруг расплакалась. Пришлось разместиться на подоконнике прямо около этой самой пустующей комнаты. На солнышке, приветливо гревшем подоконник, я распеленала сынишку, заменила распашонку, подгузник, пелёнку. Поддержала его под лучами голеньким. Он вёл себя спокойно, поглядывал на меня своими умными глазками, смешно морщил губки, болтал ножками.

Глядя на него, я думала: что теперь делать? Я отдала почти все деньги сестре. Убедила её, что они мне не понадобятся, ведь меня встретит муж.

— Зачем мне деньги? Теперь у него офицерская зарплата (по студенческим меркам — это целое состояние!). А тебе кто даст? Впереди — дальняя дорога, полная неизвестность. Когда ты заработаешь? В лучшем случае через месяц. Бери, бери, не сомневайся.

И вот теперь я не смогу взять такси и поехать в это самое Куропатино, или снять номер в гостинице, или приобрести обратный билет, чтобы уехать к родителям, или купить себе обед...

Что делать? Надо набраться терпения и подождать. Спускаюсь вниз, снова обхожу зал ожидания, потом стоянку. Безрезультатно. Разузнала у буфетчицы, далеко ли это самое Куропатино. Оказалось, что нет. Значит, надо добираться на автовокзал. Доехать от аэропорта до универмага, а там до автовокзала рукой подать. Город, слава Богу, знаю — училась здесь после перевода из Ташкентского университета. Хорошо ещё, что есть мелочь. Поехали...

— Как до Куропатино добратся? — спрашиваю кассиршу автовокзала.

— А никак, — отвечает та. — Дожди неделю лили, дороги размыло. Автобусы несколько дней не ходят в ту сторону... Завтра? Не знаю. Может, и будет. Ты, милочка, с утра приезжай.

Вот так поворот! Что же делать? Где переночевать? В общежитие — бесполезно. Все сокурсницы разъехались кто куда. Правда, последний год нам давали крохотную комнатку в Моховой Пади, замполит помог... Вот куда надо ехать! К бывшим соседям в Моховую Падь! Их девочке сейчас годика три, значит, и ванна есть, и пелёнки должны остаться. Лишь бы только они дома были, а не на даче или в гостях у родителей!

От волнения, от долгой дороги, от бессонной ночи перед отъездом, просто от страха и голода (ничего не ела, берегла остаток денег) я обессилела. Казалось, ещё немного — и свалюсь. Но за мою непредусмотрительность младенец не в ответе. Надо держаться. Ну, сыночек, поехали...

— Господи! — удивлению Галки и Миши не было предела. — Откуда ты на ночь глядя?.. С Сахалина?.. Кто у тебя родился? Мальчик?..

Глотая слёзы, я рассказывала, что нас никто не встретил, что у меня нет денег и что деваться нам некуда.

— Как это некуда? А мы? Молодец, что сообразила приехать к нам. Давай скорей хлопчика, сейчас его накупаем, и пелёнки найдём, и вещи перестираем. Садись скорей кушать, а то ведь мальцу молока не будет.

Господи! Наверно, Ты есть на свете, если всё так устроил. Мы у хороших людей, в тепле, в безопасности. Спать, спать, утро вечера мудренее...

Наутро Миша на правах хозяина озвучил общее мнение — ждать Сашу здесь, дать ему телеграмму: «Я с сыном у Виноградовых. Скорее приезжай. Гуля».

Мы остались хозяйничать и ждать.

Но прошли сутки, вторые, третьи, а от Саши ни слуху ни духу.

— Не реви. Всё решаемо, — успокаивает меня Галина. — Всякое может случиться. Тем более он после такой травмы. Может, лежит и подняться не может.

— Если бы такое случилось, — говорит Миша, — его бы сюда, в госпиталь, привезли. Нет его там, я звонил.

— В конце концов, отправим тебя к родителям. Купим билет и посадим на самолёт. Мужики, они знаешь какие — за любой юбкой обо всём на свете забывают.

— Ну что ты городишь? — восстаёт оскорблённый за род мужской Михаил.

Одно ясно — Саша не такой. Что-то случилось. Надо подождать, объявится.

На другой день они ушли на работу, а я осталась. Теряясь в догадках, приготовила приютившим меня друзьям обед, убрала в квартире, постирала пелёнки и собралась вынести на улицу сынишку, как в дверь громко постучали.

— Кто там?

— Это я, капитан Ратушный, — раздался за дверью незнакомый мужской голос. — Я от лейтенанта Зыкова, за вами. Собирайтесь скорее, у меня мало времени.

— А где он сам?

— По дороге расскажу.

На пороге стоял среднего роста немолодой капитан. Я быстро собрала пелёнки, написала записку гостеприимным хозяевам, заперла квартиру и положила ключ в условленное место — под кирпич за домом.

Рядом с подъездом стоял тёмно-зелёный военный «газик». Капитан устроился рядом с водителем, а я со своим свёртком — на заднем сиденье, где уже сидели мужчина и женщина.

— Ну, трогай... У нас в роте ЧП, — начал капитан. — Убили солдата во взводе вашего мужа. Из роты никого не выпускают — ни солдат, ни офицеров. Комиссия за комиссией, как с цепи сорвались.

— Это я послал телеграмму министру, — зло сказал молчавший то этого мужчина. — Вы мне ответите за смерть сына.

— Вот-вот, — сказал Ратушный, — почему и суматоха такая.

Женщина запричитала: «Сыночка, ты моя кровиночка, на кого же ты нас покинул... Чуяло мое сэрдэнько...»

Я содрогнулась. У меня тоже сын, он вырастет и пойдёт в армию. Не дай Господи оказаться на месте этих несчастных людей.

Всю дорогу они причитали, вспоминали погибшего, всё никак не могли осознать, что его уже нет...

Я не заметила, как сама начала плакать вместе с ними. Рядом с их горем все мои испытания последних дней показались ничтожными.

Слава Богу, беда случилась не с мужем. Мы наконец-то скоро будем дома все вместе.

Как я и представляла, деревенька действительно затерялась среди полей, лугов и перелесков. Я такого села не видывала — всего две или три улицы, а остальные дома — каждый в отдалении, на пригорке, в ложбинке, в окружении берёзовых и дубовых рощиц. Позже узнала, что здесь немало переселенцев из Западной Украины, а у них принято именно так ставить дома: не в затылок друг другу, всё время под прицелом придирчивых глаз, а вот так — хуторами, каждый сам по себе, на приволье, вольготно и просторно.

После прошедших ливней дороги действительно были в ужасном состоянии, наш «газик», с его повышенной проходимостью, несколько раз застревал. Пока выбирались из очередной грязевой бездны, стемнело.

— Домой заезжать не будем, — обернувшись ко мне, сказал, капитан. — Квартира ваша заперта, все офицеры в роте, поедем сразу туда, а потом вас с хлопчиком отвезут, я распоряжусь.

От офицерского дома, одиноко стоящего за селом, проехали ещё полтора-два километра. При виде ярко освещённой казармы и караульного помещения наши убитые горем попутчики зарыдали пуще прежнего, заплакал потревоженный младенец. Стало жутко, я старалась не смотреть на плац, где на теннисном столе стоял гроб в окружении перепуганных солдат. «Не дай Бог никому пережить такое», — в какой раз промелькнуло в голове.

К машине подошёл муж. При виде осунувшегося пожелтевшего лица, тёмных кругов под глазами сжалось сердце: он тяжело переживает случившееся во взводе. И с позвоночником опять худо — по походке видно.

— Вот ключи, располагайся, меня не ждите. Я даже не знаю, когда приду. Прости, что не встретил... Никого не выпускали из роты...

Уже в полной темноте мы поехали к дому.

Солдат-водитель помог открыть дверь, поискал при свете спички выключатель. Вспыхнул неяркий свет, и я увидела небольшой зал, спальню, а слева из прихожей — вход в маленькую кухню, большую часть которой занимала деревенская печка с духовкой и небольшим припечком для сушки валенок и мокрой одежды.

С младенцем на руках задумчиво обошла я немудрящее жилище.

— Вот, маленький, где мы будем жить и расти... Как же мне тебя искупать?

Вёдра были с водой, на столе лежал кипятильник, у печки стояла большая старая ванна. Малыш затих в тёплой воде, блаженно вытянулся, закрыл глазки, замер, словно задремал. Поддерживая его под головку и стараясь, чтобы вода не попала на личико, тихонько омывала тёплое уставшее тельце. Кто ни разу в жизни не купал младенца, никогда не узнает, что такое счастье.

— Так... А где же ты будешь спать?..

Класть ребёнка с собой мама строго-настрого запретила. «С устатку крепко уснёшь и приспишь мальчика, задавишь то есть. И не почувствуешь». Для пущей убедительности она рассказала несколько случаев, как в их сибирском селе наработавшиеся в поле женщины, кормя грудью, засыпали, а утром обнаруживали рядом мёртвое дитя. «Вот тебе истинный крест!» — божилась мама.

В спальне я обнаружила солдатскую кровать, перевёрнутый ящик вместо стола, а в зале — старенький диван. Спать с сынишкой в разных комнатах побоялась. Привыкла, что он всегда рядом, слышу его дыхание — и тогда спокойна. Что делать? Вылила воду из ванны, обтёрла её, поставила на стулья рядом с кроватью. Положила в неё солдатское суконное одеяло, подушку. Ложе получилось на славу — тепло, сухо и безопасно. Так он и проспал всю зиму в ванне, пока не купили по случаю старенькую кроватку. С мебелью, как, впрочем, и со всем остальным, в деревне было туго.

Несколькими днями позже наведальась в убогий деревенский магазин — пустые полки, залежалые консервы, оплывшие карамельки да заржавевшая селёдка... Хлеб привозили в село не каждый день, и его тут же расхватывали деревенские. Выручал паёк. Его выдавали офицерам раз в месяц через военторг, который был в Николаевке, где находился основной гарнизон. Там же нас поставили на очередь для приобретения холодильника, ковра и мебели.

Рано утром, пока сын безмятежно спал, я вышла на крыльцо и ахнула. Стояли последние дни хрустального бабьего лета. В бездонной сини сентября вполнеба полыхала утренняя заря. Осенняя свежесть прозрачного воздуха таяла под лучами ещё щедрого амурского солнца. Дом наш, оказывается, стоял за околицей. Слово-то какое — околица, — всегда его знала, а значение только сейчас поняла. И в этом была какая-то особая прелесть.

Опасаясь, что ребёнок проснётся, всё-таки прошла немного по тропинке, заплутавшей в берёзовых перелесках. Неожиданно на повороте полыхнул алым пламенем куст шиповника. Я сорвала несколько крупных ягод, попробовала на вкус — чудо как хорош! Повернулась и побежала назад — к нему, к своей кровиночке.

Что всё-таки значит свой дом — своя «пещера», как говорили мудрецы. Такой покой в душе, умиротворение... И только сердце-вещун замирает пугливо: что там, в неизвестной жизни?

Постепенно наш быт налаживался: купили кое-какую посуду, самое необходимое из одежды, нашлись знакомые в селе, у которых стали покупать густое, больше похожее на сливки молоко, творог, свежие яйца. Всё бы ничего, да здоровье мужа катастрофически ухудшалось: сильные боли в позвоночнике становились нестерпимыми, анальгин помогал ненадолго. И приступы снова возобновлялись.

Врачи, когда случилась эта злополучная травма, объяснили, что в трёх позвонках запали диски, они защемляют нервы, это и вызывает нестерпимую боль. Нужна операция, но после неё можно или выздороветь, или на всю жизнь остаться инвалидом: ноги отнимутся вообще. Гарантии никто дать не может. Тогда, в военном училище, его пролечили, дело пошло на поправку, а через год с небольшим снова появились сильные боли. Нервный стресс из-за гибели солдата только усугубил общее состояние.

Сдержанный и молчаливый, он стал совсем замкнутым, раздражительным, недобрый. Я понимала — ему тяжело переносить на ногах такие муки. Он упорно шёл на службу, до позднего вечера находился в роте, стоял в караулах. Чтобы после работы он мог полежать на диване, отдохнуть, разгрузить позвоночник, я старалась к его приходу всю тяжёлую работу по дому сделать сама: топила печь, готовила уголь, носила воду из колодца.

Наступила зима, которая в тот год, по свидетельству старожилов, была не просто суровой, а лютой — с сильными морозами и метелями. Небывалые снега покрыли окрестные поля. Дикие козы, кормившиеся в здешних местах на соевых полях, из-за снежного покрова не могли добыть себе пропитание и перебрались вглубь области. А без коз и волкам было голодно. С каждым днём они становились всё наглее — подходили близко к хуторам, повадились добывать пропитание на помойке роты, куда выбрасывали пищевые отходы. Первыми их заметили солдаты, доложили взводным. Те подняли перепуганных бойцов на смех — со страху, мол, чего не померещится.

Вечером молодые офицеры обычно возвращались домой через поле по протоптанной дорожке.

— Братцы, подождите, я мигом, только до ветру и обратно, — сказал взводный Ванечка Голицын, красивый черноглазый офицер, отличник боевой и политической подготовки, один из лучших выпускников танкового училища.

Он добежал до туалета, ловко снял меховой комбинезон и только было присел, как вдруг увидел прямо перед собой клыкастую ощеренную морду. В первый момент взводный решил, что это собака (в роте были лайки), но вдруг понял, не веря своим глазам: «Волк?» Оглядываясь, заметил ещё зверюгу.

Ванечку будто ветром сдуло. С белым от страха лицом, в полуспущенном комбинезоне, он стремительно влетел в караульное помещение. Все так и покатались со смеху.

— Чего ржёте, как кони, — заорал взводный, застёгивая комбинезон. — Пошли к Ратушному, пусть даст охрану, лучше несколько солдат с автоматами.

— ...Вашу мать, так-перетак, — разразился ротный. — А если воевать придётся, вашу мать? А вы волков перетрусиле? Да это ж Голицыну померещилось, хрен ему в дышло.

Но охрану дал. Вечером взводные возвращались в сопровождении трёх солдат. И утром стали ходить не поодиночке, как раньше, а все вместе. Собирались во дворе и шли. Среди сельчан ходили тревожные слухи, что волки подбираются к сараям, где зимовал скот. Капитан Ратушный, будто в насмешку, ходил домой один, без охраны. Он намерено задерживался в роте и уходил после наступления темноты, когда бойцы, сопровождавшие лейтенантов, возвращались. Взводные не знали куда глаза прятать, а Голицыну ротный просто проходу не давал своими издёвками.

Прошла неделя. Муж мой совсем занемог, однажды утром вообще не смог встать, как ни старался. Передали Ратушному. Тот пришёл. Посмотрел и сказал, что надо вызвать санитарную машину из гарнизонной санчасти и везти его в госпиталь, но Саша убедил дать ему два-три дня отлежаться: может, само пройдёт. На том и порешили.

— Саша, тебе надо срочно к врачам, — сказала я. — Затягивать нельзя.

— Не лезь не в своё дело, занимайся пелёнками, — оборвал он.

У меня на глазах навернулись слёзы. Он смягчился:

— Думаешь, я сам не знаю, что мне конец? Но как я вас оставлю? Как ты тут с пацаном одна будешь? Тебе без меня и буханки хлеба не принесут. (Хлеб доставляли из роты в счёт пайка). Что со мной случится — уезжай к матери. — И он надолго замолчал.

Я ушла в спальню и тихо плакала. Жалко было его, больного, беспомощного. И ничем, ничем не поможешь. Оставалось набраться терпения и надеяться на лучшее.

Прошло ещё несколько дней. Мужу становилось всё хуже. Иногда он забывался во сне и начинал стонать. Потом спохватывался и затихал. Он мужественно переносил боли: боялся, что у меня пропадёт молоко. В доме повисла гнетущая тишина.

Однажды в сенях внезапно кто-то затопал, что-то загремело, — видимо, там налетели на пустое ведро. В клубах морозного воздуха в прихожую ввалился перепуганный насмерть капитан Ратушный. Разразившись густой матерной тирадой, он возбуждённо стал рассказывать:

— Иду. По полю. Слышу — шаги. Оглянулся... Никого. Опять слышу. Поворачиваюсь на звук, а волки — вот они. Твою мать! Что делать? В руках у меня — по буханке хлеба. Я — матом и швырнул прямо ему в харю. Хотел другой булкой запустить, да жалко стало! Заорал — и драпа во все лопатки. К вам вот в первую дверь и заскочил.

— Волки за вами бежали? — спросил муж.

— А хрен его знает. Может, и бежали, только я мужик-то не промах.

И щупленький командир роты грозно сжал руку в локте, видимо, желая продемонстрировать железные мускулы. Но становилось не до смеха...

А на другую ночь я вдруг услышала, что кто-то зовёт меня незнакомым голосом:

— Гуля, Гуля, иди скорей сюда... Скорей, скорей!

Я выглянула из спальни и увидела восковое, осунувшееся лицо мужа странно улыбающимся. Он, свесившись наполовину с дивана, держал руку на полу.

— Да скорей же, смотри. Я мышку поймал, возьми её чем-нибудь...

Встав на колени, я внимательно присмотрелась, даже заглянула под диван. Никакой мышки не было. И до меня дошло: у него болевой шок, он в бреду.

Сунула голые ноги в валенки и, набросив пальто на ночную рубашку, выскочила на улицу. Надо бежать в роту, там дежурный, там машина, его нужно срочно отправить в госпиталь!

Наверно, в минуту опасности у человека доминирует какая-то одна главная мысль, а других в это время просто нет (например, не подумала постучать в окно любого из офицеров и позвать на помощь). И я побежала в роту через поле, по протоптанной дороге. Ночь была лунная, я бежала и плакала. Ни разу ни о волках, ни о сильном морозе даже не подумала. Заблудиться не боялась — рота всегда освещена, я бежала на огни. Железные ворота оказались закрытыми, я начала стучать в них руками, потом подняла камень и начала бить им по металлу. Залаяли собаки, выбежал часовой. Меня, трясущуюся от страха и холода, завели в помещение, дали воды, выслушали. Дежурный офицер по радиации вызвал из санчасти врача и машину.

Когда мы подъехали к дому на «газике», ротный был уже в нашей квартире и одевал мужа. Сынишка продолжал мирно спать в другой комнате. Пока я впопыхах одевалась, мужа успели уложить на носилки. Он был без сознания. Я плакала. Подошли разбуженные Ванечка Голицын и Евтушенко, помогли погрузить носилки в «санитарку», которая направлялась в военный госпиталь областного центра.

От переживаний и страха за мужа у меня пропало молоко, сынишка голодал, стал беспокойным, часто плакал. Я плакала вместе с ним. Вот так, в одночасье, жизнь человека может начать рушиться как карточный домик, а земля уходит из-под ног. Потянулись долгие томительные дни ожидания и неизвестности.

Первое время офицеры по очереди помогали — приносили воду из колодца и набирали семь-восемь вёдер угля. Морозы и северный ветер быстро выстужали квартиру. Приходилось топить практически целый день — по семь вёдер угля с утра и столько же вечером.

Наша квартира, совмещённая с пустующей квартирой прапорщика, которого в роте несколько лет не было, оказалась самой незащищённой от ветров, дующих как раз с нашей стороны. Меня пугала эта пустая квартира: всё время там что-то хлопало, завывало, от порывов ветра дребезжали рамы и остатки стёкол. В сенях я забаррикадировала входные двери старым столом и бочкой

с квашеной капустой, хотя понимала, что всё напрасно: через зияющие окна легко проникнуть в пустую квартиру и оказаться в сенях, которые я упорно закрывала на ночь.

Долгими бессонными ночами я с ужасом прислушивалась к завыванию ветра в пустых комнатах. В зале, где на диване было не так страшно, к утру становилось очень холодно, я боялась застудить младенца. Он уже подрос, взгляд стал осмысленным, он улыбался и гулил, издавая самые разнообразные звуки, тянул ко мне ручонки. Ребёнок спасал меня от одиночества и отчаяния, заставляя не расслабляться, — теперь только на мне одной лежала забота о беззащитном человечке. Молоко постепенно вернулось, и я старалась не волноваться.

— Всё будет хорошо, — говорила я маленькому. — Папочку нашего вылечат, он молодой и сильный, он поправится. Он будет стараться ради нас с тобой, а мы — для него. Правда?

Сынишка смотрел на меня, улыбался, а я прижимала его тёплое тельце к себе. Это грело мне душу и успокаивало. Я была счастлива, несмотря на беду, пришедшую в наш дом.

Ни одна из женщин, живущих в нашем небольшом доме, после той страшной ночи, когда Сашу увезли в госпиталь, ни разу не зашла, не поинтересовалась, нужна ли помощь. Ну хотя бы посидеть с младенцем, пока я бегаю за молоком или в деревенский магазин. Ни одна... Мужики всё-таки человечнее нас, женщин. Я это поняла в ту страшную зиму. Может, с тех пор не стремилась найти друга-женщину. Я и не нуждалась в друге. У меня был он, самый лучший, самый верный, самый преданный, самый любимый — друг детства, одноклассник, сосед по парте, а теперь муж, отец моего ребёнка.

Через неделю я встретила во дворе Ванечку Голицына. Он, пряча глаза, сказал, что его Надька, да и другие бабы как взбесились — не хотят, чтобы мы заходили к тебе, ревнуют, видно. Говорят, при муже сама воду и уголь носила, а тут королева какая стала. Кому скандалы в доме нужны, сама понимаешь...

Я ничего не сказала в ответ, потому что не знала, что нужно в таком случае говорить. А вечером, ещё до прихода офицеров с работы, доверху наполнила вёдра углём и оставила у крыльца, чтобы видели — у меня всё в порядке, я не нуждаюсь в помощи. Уголь выгружали в общую кучу прямо посередине двора. Были там и мелкие куски, и целые глыбы. Мелочь собирать нетрудно, даже приятно на морозе поработать. Когда остались только большие глыбы, стало совсем худо. Мне они оказались не по силам, но и здесь офицеры выручили: они набирали сначала свои вёдра, а потом разбивали громадину и оставляли россыпь мне.

Хуже стало с водой. К середине зимы колодец всё больше промерзал. Тяжёлое кованое ведро билось о лёд, покрывавший стенки сруба, вода расплещивалась, и получалось чуть меньше половины ведра. Приходилось снова и снова опускать его на длинной цепи и крутить тяжёлый ворот за ледяную металлическую ручку. Сил не хватало, иногда ведро срывалось вниз, я успевала

отскакивать, ручка бешено раскручивалась в обратную сторону... А без воды и тепла мы просто бы не выжили.

Нет худа без добра, точнее, добра без худа. Если несколько месяцев назад я не могла самостоятельно открыть банку консервов или сгущёнки — силы в руках не хватало, то теперь окрепла, даже поправилась. Паёк на мужа выдавали каждый месяц, денежное довольствие тоже, так что жить можно было. Главное — не упасть духом.

Вести из госпиталя были самые неутешительные. Без оперативного вмешательства врачи не могли снять боль, а согласия на операцию муж не давал. Слишком ничтожны были гарантии, что он выздоровеет и останется в армии. Попроведать его не было никакой возможности. Стояли сорокаградусные морозы. Я почти круглосуточно топила печь, не давая ей затухнуть: боялась, что не смогу растопить её — дров оставалось совсем немного, на самый крайний случай. Негде было оставить ребёнка: он по-прежнему признавал только грудное молоко. Добираться с ним на попутках в такие морозы было чистым безумием. Малыш заметно подрос и стал тяжёлым.

От бессилия и невозможности что-либо предпринять, от тоски и страха за мужа, за будущее я не знала что делать. И только ребёнок спасал от полного отчаяния. Ночами, когда он засыпал, мне становилось хуже всего, одолевали, изматывая, горестные думы. Я, как заведённая, мысленно кружила и кружила по замкнутому кругу отчаяния и не видела выхода.

И то ли наяву, то ли во сне однажды почудилось мне, что за стеной шумно справляют весёлую свадьбу. Там залихватски играла гармонь, женские голоса пели свадебную величальную, доносился хрустальный перезвон бокалов, явственно слышались пляска и гомон большой толпы. И мне вдруг так захотелось туда, на эту свадьбу, так надоело затворничество. Вспыхнуло острое желание побыть хотя бы недолго среди гуляющих людей. Я решительно встала и начала одеваться. И тут ребёнок зачмокал губами. Этот тихий звук внезапно отрезвил меня. Я вдруг осознала, что за стеной — пустая квартира, что там нет и не могло быть никакой свадьбы. Это воеет и бесится среди голых стен и разбитых окон шальная метель. Это была галлюцинация, дьявольское наваждение. И стало жутко. Леденящий страх пронзил меня с головы до ног. Я выхватила малыша из коляски и прижала к себе. Легла к стенке, а его, как щит, положила с краю. Он дышал ровно, такой спокойный и тёплый. Я была уверена, что через это святое существо не пробиться нечистой силе, если это она манила меня на погибель, в мороз и стужу. Постепенно успокоилась и заснула. К утру метель стихла. В замёрзшие окна заглянуло доброе зимнее солнышко.

Заканчивалась студёная зима, дни стали длиннее, на улице потеплело, зачернел снег на солнцепёке, небо очистилось от туч, и засинели дальние перелески. Я стала чаще выносить малыша на улицу. Мальчику исполнилось полгода, он уже сидел и пытался встать на ножки, выговаривал слоги — «ма», «дай-дай». Мы росли, а папа наш всё ещё был в госпитале, писал нам письма, успокаивал, подбадривал, но о выздоровлении не было и речи.

Как-то у колодца столкнулась с ротным. Он помог мне выкрутить ручку колодезного ворота и, поднимая полное ведро, сказал:

— Ехала бы ты, девка, с хлопчиком к родителям, ничего хорошего тебе здесь не светит. У Саши твоего дела хреновые, зря маешься тут. Я машину дам, в аэропорт отвезут, на самолёт посадят, а там родители встретят. Телеграмму отстучим.

— Никуда я не поеду. Вот немного спадут морозы, станем ездить в госпиталь. Как же я брошу больного? Кто его попроведает?

На том и разошлись. А как-то утром в нашу дверь постучали. Я так отвыкла от гостей, что от неожиданности вздрогнула: уж не мерещится ли мне вновь? Но дверь открыла. На пороге стояла незнакомая смуглая женщина.

— Я к вам. Вы ведь учительница?

— Да, у меня есть диплом. Но я ни дня не работала после института. У меня грудной ребёнок. А вы кто?

— Я директор здешней восьмилетки. У нас проблема — учительница русского языка ушла в декретный отпуск. А год-то заканчивать надо. Выручайте, выходите на работу. И вам веселей будет. В деревне говорят, что муж у вас сильно болен.

— Я бы с радостью, одичала совсем, сама с собой разговаривать начала, — невесело пошутила я. — Да только куда же я такого маленького дену? В садик его не возьмут, да и не хочется туда отдавать, пусть хоть до годика со мной побудет.

— Об этом мы позаботились, — упредила гостя. — Мама давно на пенсии. Она будет приходить прямо сюда, с малышом посидит, по хозяйству поможет. А вы уроки отведёте — и домой. Коллектив у нас хороший, дружный, близкие вам по духу люди. Ну как, по рукам?

Так я стала сельской учительницей. Некоторым образом это избавляло от тоски и одиночества. Школа, правда, была не близко, но я ходила напрямик, через перелески меж хуторов. Тропинка то на горку взбегала, то в ложбинке пряталась. Сначала я побаивалась ходить через лесочки, но потом привыкла. Такая дорога освежала и успокаивала растревоженную душу. Матушка-природа лечит, ободряет, вселяет надежду.

Современные учёные доказали, что потребность в общении является такой же биологической необходимостью, как дышать кислородом, пить воду, поглощать пищу. Один из коммуникативных законов гласит, что речь — это средство поглощения негативных эмоций. Не случайно древние говорили: «Сказал и душу облегчил». Среди людей мне стало лучше, но я не любила говорить о постигшей меня беде с посторонними. И не переставала надеяться, что муж поправится, вернётся и мы заживём на славу, будто кто-то извне говорил мне об этом.

Простые деревенские люди оказались милосерднее офицерских жён. Одна из кормящих женщин предложила присмотреть за сынишкой и покормить его грудью, пока я езжу в госпиталь. Я уже всюю подкармливала малыша обычной пищей — картофельным пюре, супчиком, яблоками. Но без грудного молока он ещё не мог.

Наконец-то появилась возможность навестить больного. Выглядел он лучше, ему делали вытяжку позвоночника, аппаратные процедуры, но это лишь временно облегчало страдания, не оказывая воздействия на источ-

ник боли — запавшие диски. Чтобы снять с них нагрузку, врачи настояли на пользовании костылями. Когда я увидела его на костылях, то содрогнулась: неужели навсегда?

Домой возвращалась с тяжёлым сердцем. Настроение мужа передалось и мне. Положение гораздо серьёзнее и безнадежнее, чем я предполагала. Я, как заведённая, твердила и твердила: «Пусть инвалидность, пусть костыли, но лишь бы остался жив. Никогда его не брошу, не предам, никому не отдам, день и ночь буду работать, а он пусть будет дома. За детьми присмотрит — и то хорошо. Будет общаться с ними, со мной — и больше ничего не надо для счастья. Пусть операция, пусть инвалидность, лишь бы остался жив, лишь бы вместе! Господи, помоги!»

В том, что у меня будут ещё дети, я не сомневалась. Мне так нравилось быть беременной, рожать, кормить грудью, купать, пеленать младенца. Я испытывала невыразимое наслаждение, когда брала его на руки, вдыхала и не могла насытиться ароматом детского тельца, обнимала и прижимала к себе, целовала щёчки, ножки, ручки, гладила по шёлковым волосам, слушала и не могла насладиться его лепетом, радовалась каждому взгляду, каждой улыбке, слову, движению. Это и было настоящее счастье.

Наступила вторая зима без мужа. Она была ещё холоднее и безотраднее. Сынишка уже активно передвигался без посторонней помощи. И это было хуже. Если раньше он был завернут и его пребывание ограничивалось коляской или кроватью, где было относительно тепло и безопасно, то теперь он рвался на ледяной пол, его невозможно было удержать на руках или на диване. Я распустила старое суконное одеяло и навязала тёплых штанишек, кофточек, жилеток, носочков. Но это не спасло, он заболел. Страх за него, казалось, парализовал меня, лишил рассудка: я потеряла самообладание, плакала, тряслась, мне казалось, что он умрёт, что я потеряю его. Невозмутимая деревенская фельдшерица удивлялась:

— Если вы, мамаша, так будете переживать банальную ангину, то вас долго не хватит. Все дети болеют — и ваш не исключение.

Но я не могла оправиться от перенесённого волнения за сынишку. И самое страшное, что я не могла поддерживать тепло в квартире. Печка топилась совсем плохо и всё время дымила. Оказывается, летом надо было прочистить дымоход и трубу, но я не догадалась это сделать. И вот теперь не помогали даже лишние вёдра с углём. Я просто не знала, что с нами будет. Уже несколько дней не купала сынишку, укладывала его немытым, он всё ещё кашлял даже во сне. И это меня пугало ещё больше. Укутанная в тёплое пальто, в валенках, я сидела за перевёрнутым ящиком, который служил письменным столом, и проверяла ученические тетради.

В дверь постучали. Кто это на ночь глядя? В комнату вошёл среднего роста майор.

— Где папа?

— В госпитале... — растерялась я. — Он болен и давно уже в госпитале.

— Так вы не дочь капитана Ратушного? — удивился в свою очередь незнакомец. Его, видимо, сбили с толку мои «хвостики» (для удобства я собирала

волосы на резинки, и они торчали в разные стороны).

— Нет, я жена лейтенанта Зыкова.

— Так вы жена Зыкова? Это что, я не к Ратушному попал? Они же всегда с краю жили. Я хорошо помню.

— Верно, у них квартира с краю, с южной стороны. А здесь я с ребёнком живу.

Он внимательно оглядел меня с ног до головы, задержал взгляд на валенках, заглянул в кухню. Убогость жилища и моё облачение, видимо, потрясли его.

— Ну что же, я, кажется, в самое время. Ну и как вы тут? Рассказывайте, — мягко, с какой-то особой теплотой в голосе сказал он.

Два года меня никто ни разу не спросил об этом, не поинтересовался. И меня прорвало — слёзы потекли сами собой, я тщетно пыталась справиться с волнением, размазывая их по щекам, но они предательски катились, прямо-таки лились ручьём. Я не могла говорить: «... печь... вода... труба...»

— Та-а-а-к, — сделал вывод неожиданный гость, обернувшись на детский кашель. — Вас, кажется, надо спасать. Апартаментов вам не обещаю, но небольшую однокомнатную квартиру с отоплением и горячей водой в гарнизоне гарантирую. Собирайте свои пожитки, завтра вечером за вами приедут.

— А мне почти нечего собирать. Стол, кровать, постель — это всё из роты. Вот только книги да посуда. Их немного.

— Ну тем более. Собирайтесь.

— А вы кто? — осмелилась спросить я напоследок.

— Я комбат Башко. Если понадобится помощь, смело обращайтесь ко мне. Да не ревите вы, а то утопите меня в своих слезах, однако, — пошутил он. Взгляд его потеплел, он ободряюще улыбнулся, повернулся и вышел.

В жизни человека бывают разные встречи. И только отдельные из них, очень редкие, — судьбоносные. Эта случайная, по ошибке, встреча с комбатом Башко круто изменила нашу жизнь. Проще говоря, он спас нас от надвигавшейся катастрофы.

Вечером во двор на глазах изумлённых соседей въехала огромная военная машина с будкой. Несколько солдат быстро погрузили наш немудрящий скарб, подхватили меня вместе с малышом, укутанным в тёплое одеяльце, и усадили в кабину. Машина задним ходом выехала со двора. Я оглянулась и в последний раз посмотрела на наше неприветливое жилище. В окно увидела удивлённое лицо Нади, там Света, а любопытная Лариса даже на крыльцо выскочила. Я уезжала от глыб угля, полузамёрзшего колодца, дымящей печки, от этой жуткой пустой квартиры, от одиночества и страха, уезжала к неведомой жизни. Человек всегда верит в лучшее. Не случайно говорят: «Надежда умирает последней». Ну, сыночек, поехали, — прошептала я и тихо заплакала, уткнувшись в детское одеяльце.